

УДК 008(075)
ББК 71

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2018 г. А. В. Бредихин
г. Москва, Россия

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ СЛАВЯНСКИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ

Статья подготовлена в ФГБНУ Центр исследования проблем безопасности Российской академии наук при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 17-68-00001 «Влияние институциональной нестабильности сопредельных стран на деятельность экстремистских организаций Юга России»)

Аннотация: Развитие современных этнических институтов в государствах, входивших до 1991 г. в социалистический блок, показывает, что процесс становления малых народов в настоящее время не завершен. Обладающие своей историей, культурой, языком (диалектом), религией, субэтностью, получив возможность к развитию, стремятся сформировать обособленную идентичность, заявить о возможности создания автономии или самостоятельного государства. Подобным тенденциям подвержены в первую очередь крупные, государствообразующие народы, такие как русские, болгары, поляки, сербы, украинцы, чехи. Во многом этносепаратистские тенденции субэтностей проявляются благодаря воздействию внешних акторов. В исследовании проводится анализ исторических предпосылок к развитию новых славянских идентичностей, выявляются современные факторы, определяются проблемные моменты.

Ключевые слова: евразийство, идентичность, казаки, моравы, полешуки, российская нация, русины, Русский мир, славяне, украинцы.

Информация об авторе: Антон Викторович Бредихин — кандидат исторических наук, советник директора, ФГБНУ Центр исследования проблем безопасности Российской академии наук, ул. Гарибальди, д. 21 б, 117335 г. Москва, Россия. E-mail: bredikhin90@yandex.ru

Дата поступления статьи: 20.11.2017

Дата публикации: 15.06.2018

Для цитирования: Бредихин А. В. Альтернативные славянские идентичности // Вестник славянских культур. 2018. Т. 48. С. 8–18.

«Русская весна» 2014 г. выступила точкой невозврата для населения Крымского полуострова и Донбасса и одновременно заострила вопрос цивилизационного понятия «Русского мира», его определения, границ, перспектив. Если само словосочетание «русский мир» встречается еще в летописях XI в., то «Русский мир» как философское

и идеолого-политическое понятие принадлежит туркестанскому генерал-губернатору М. Г. Черняеву, издававшему после своей отставки одноименную ультраславянофильскую газету [14]. В настоящее время идея «Русского мира» получила поддержку Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла и Президента Российской Федерации В. В. Путина. Член-корреспондент РАН, президент РГГУ Е. И. Пивовар видит под этим понятием глобальный цивилизационный феномен, охватывающий триста миллионов человек, объединенных русской культурой и языком [17, с. 169]. Академик РАН, научный руководитель Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН В. А. Тишков сравнивает «Русский мир» с английским, испанским, китайским, португальским, французским мирами [26, с. 87].

На наш взгляд, естественной формой реализации «Русского мира» выступил Евразийский Экономический Союз как наднациональное образование, способное стать объединяющим для стран с общей исторической судьбой, сформированными экономическими связями и близким культурным кодом. Естественным центром данной системы выступает русский народ, ставший после распада СССР, по словам Президента Российской Федерации В. В. Путина, самым большим разделенным народом Европы. При этом сама идея ЕАЭС, озвученная Президентом Казахстана Н. А. Назарбаевым в 1994 г., подразумевала объединение цивилизационно близких народов для экономической интеграции путем создания совместных органов наднационального управления и обеспечения суверенности входящих в него держав [15]. Цивилизационная близость народов, проживающих на территории «Русского мира», определялась и теоретиками евразийской идеологии Л. Н. Гумилевым [10], П. Н. Савицким [21], Н. С. Трубецким [27].

На расстоянии от Калининграда до Владивостока люди одинаково говорят по-русски, чего не встретишь в современной Европе, где житель Северной Германии, говорящий на своем диалекте, далеко не всегда поймет жителя Баварии или совсем не поймет швейцарца, ответившего ему на своем языке. Однако последнее время русский народ стал подвержен такому понятию, как этнический сепаратизм. Происходит активное формирование новых субэтносов, претендующих на роль отдельных этнических сообществ, таких как казаки [2; 34], поморы [22; 29], сибиряки [5] и другие. В этом велика роль и сопредельных стран, поддерживающих лидеров молодых этнических маргиналов.

Общеславянский синдром. Распад Российской и Австро-Венгерской империй дал возможность для появления не только новых государств, но и становления и закрепления в этнических правах новых славянских идентичностей. Если до 1917 г. с позиции государственной власти в России этническое деление сопрягалось с делением конфессиональным и украинцы (малороссы) с белорусами рассматривались в качестве частей русского народа (великороссов), то благодаря ленинской политике права наций на самоопределение в рамках СССР закрепился триумвират восточнославянской общности: русских, украинцев и белорусов. Остальным славянским идентичностям было отказано в праве развития, и их этнокультура была объявлена составной частью титульной нации союзной республики.

Ставшие плацдармом белого движения в годы Гражданской войны Дон, Кубань и Терек оказались площадкой экспериментов советской национальной политики. В отношении казаков была начата политика «расказачивания», трактуемая современными казачьими лидерами и учеными-казачковедами как геноцид [12; 28]. Затем на территории Северо-Кавказского края была развернута политика «украинизации», в рамках

которой донские, кубанские и терские казаки в одночасье стали украинцами, начали изучать украинский язык в школах, вести на нем делопроизводство и готовиться к дальнейшему вхождению в состав УССР. Вскоре сталинская политика осознала бесперспективность и опасность подобных начинаний, и «украинизация» была свернута, а затем начата кампания «за советское казачество», в рамках которой казакам были сделаны небольшие уступки в военной и бытовой сфере и поставлена задача привлечения оставшихся к выполнению задач советской власти [23, с. 7].

Победное наступление Красной армии в годы Великой Отечественной войны позволило включить в состав СССР ряд территорий. В 1944 г. православный съезд Карпатской Руси (Карпатской Украины), имевшей до войны статус автономии в составе Чехословакии, обратился к советскому правительству с просьбой войти в состав СССР на правах союзной Карпато-русской советской республики. Однако официальная Москва смотрела на данный вопрос по-другому и была образована Закарпатская область в составе Украинской ССР, а вместе с ней русинское население было объявлено украинцами со всеми вытекающими обстоятельствами [13, с. 105].

По аналогии шли процессы и в других славянских странах, где титульная нация стирала национальные меньшинства, сводила их этнокультурное развитие к нулю: силезцы, лемки и кашубы в Польше, русины в Словакии, моравы и хорваты в Чехии и т. д. Правительства славянских республик выстраивали политику формирования наций-государств, при которой развитие этнических сообществ негласно «замораживалось», а их тенденции к этнокультурному возрождению получили возможность лишь в 1980-х гг., что способствовало росту национальных движений за независимость.

Распад социалистического блока выступил важным фактором на пути «пробуждения» субэтносов и непризнанных славянских народов. «Бархатный развод» Чехословакии поставил вопрос о будущем национальных меньшинств. В 1993 г. представители моравского национального движения объявили о создании Моравской автономии в составе Чехии в рамках федеративной единицы. При этом на волне подъема национального самосознания по данным Чешского статистического управления в 1991 г. моравами себя считали 1 362 313 человек. Затем ввиду институционализации чешского сообщества произошло уменьшение моравов до 380 474 человек, но в последнее время произошел процесс увеличения числа людей с моравской самоидентификацией до 521 801 человек [32].

По аналогии развивались события и в бывших советских республиках: Белоруссии и Украине. Белорусское сообщество, то отрекаясь, то приходя к идеям «Русского мира», получило значимые признаки этнического сепаратизма в лице полешуков [30, с. 6]. Обладающие большей лингвистической и традиционной близостью с украинцами, нежели белорусами, полешуки ведут работу над выработкой собственного литературного языка и вполне способны войти в число геостратегических интересов Варшавы и Киева.

Русинское национальное движение, имеющее активную поддержку канадской и венгерской диаспоры, объявило об отдельной от украинцев национальной идентификации и провело 1 декабря 1991 г. референдум, на котором 78% жителей Закарпатской области Украины высказались за введение статуса специальной самоуправляемой территории. Однако результаты референдума не были признаны официальным Киевом, что не остановило подъем русинского «пробуждения». В настоящее время, по оценкам лидеров русинов, на территории региона их численность составляет порядка 700 тыс. человек [31, с. 58].

Конструирование новых идентичностей. Процесс создания новых славянских идентичностей внешними акторами имеет глубокие исторические корни. Данный процесс носил обоюдный характер: с одной стороны, шло образование в той или иной стране лояльного народа, а с другой — элита шла на данный шаг, получая преференции и сохраняя свое имущество. Одной из первых в данном направлении начала работу Османская империя. Ввиду целенаправленной политики по исламизации славян Балканского полуострова возникла новая этническая группа босняков, населяющая современную Боснию и Герцеговину. Их самоидентификация и сегодня максимально приближена к турецкой. Анкара помнит опыт своего исторического предшественника и организует работы по формированию турецко-помакского этноса (порядка 200 тыс. человек) в рамках дальнейшего присоединения юго-восточных районов Болгарии к турецкой Восточной Фракии. Активно Стамбулом и протурецкими политиками транслируется идея тюркского происхождения болгар и их отрыв от славянской общности. Подобные процессы имеют место и в других странах Балканского полуострова, представляющего собой достаточно пестрый с этнической и конфессиональной точек зрения регион.

По аналогии действовала Австро-Венгерская империя — «тюрьма для славян», проводившая политику формирования лояльных славянских этносов, она выступила одним из архитекторов будущей украинской идентичности, для чего ею, с одной стороны, осуществлялось создание украинского литературного языка, а с другой — проводилось физическое уничтожение русофильски настроенных русинов, отразившееся в создании концлагерей в Талергофе и Терезине. При этом общее количество убитых в результате репрессий русинов в годы Первой мировой войны составило 60 тыс. человек, не меньшее число покинуло родные края. Как написал в 1917 г. новый император Карл I, «Все арестованные русские невиновны, но были арестованы, чтобы не стать ними» [25, с. 74].

С распадом социалистического блока и крупнейшей геополитической ошибкой XX в. — крахом СССР — процесс формирования новых славянских идентичностей начал активно развиваться на постсоветском пространстве. Процесс возрождения казачества, начавшийся в 1980-х гг., поднял вопрос: а кем же являются казаки? Сословием, группой по интересам, этносоциальной группой (субэтносом) или отдельным народом? Следствием альтернативных толкований состояния современного казачества стали многочисленные расколы в среде казачьего движения, радикализация и маргинализация отдельных групп, переросшие в самостийничество и казакийство [16, с. 154].

Отмежевание казаков от русского народа выступило естественным процессом периода кризиса национальной идеи, неустойчивости понятия новой общегражданской идентичности — российской нации. Появление альтернативных версий истории развития казаков (автохтонная, скифо-сарматская, кавказская и др.) авторства Е. П. Савельева [20], А. А. Гордеева [9], А. Г. Попова [18], И.Ф. Быкадорова [4] и новых центров притяжения (Киев, а также усиление в данном вопросе политики Варшавы и Вашингтона) способствовали выработке новых парадигмальных подходов к формированию казачьего самосознания, идентификации.

Сохранение североамериканскими властями в законе о поработанных народах Казакии позволило дать казачьим лидерам пищу для размышления в вопросе построения собственной государственности. В последние годы кризиса власти в СССР и период становления Российской Федерации тенденции казачьего сепаратизма, подкрепленные идеей отдельной этнической идентичности, привели к объявлению о создании ряда «государственных» образований: «Донская Казачья Республика», «Терская Казачья Ре-

спублика», «Армавирская Казачья Республика», «Верхне-Кубанская Казачья Республика», объединившая две другие «республики», «Зеленчукско-Урупскую Казачью Советскую Социалистическую Республику» и «Баталпашинскую Казачью Республику», и др. В этом плане интересна и позиция Всевеликого войска Донского периода атаманства Н. И. Козицына, заключившего соглашение о сотрудничестве и взаимопомощи с так называемым президентом Ичкерии Д. М. Дудаевым.

Проблема с казачьей идентичностью, кем являются казаки — отдельным народом или субэтносом русского народа, — выразилась в период проведения Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг. В это время проводилась активная кампания по признанию казаков в качестве отдельного народа. Однако если в 2002 г. свою национальность как «казак» определили 140 028 человек (на территории войскового казачьего общества «Всевеликое войско Донское» (ВКО ВВД) порядка 108 тыс. человек) [7], то в 2010 г. только 67 573 человек (на территории ВКО ВВД порядка 48 тыс. человек) [8].

В 2011 г. Южнороссийским филиалом Института социологии РАН было проведено социологическое исследование «Казачество как этносоциальный феномен современной России» среди представителей донской, кубанской и терской казачьих общин, проживающих в Ростовской области. По данным исследования, большинство респондентов (71,7%) самоопределяется как «часть русского народа, обладающего особой культурой и традициями», т. е. в качестве субэтноса русского народа, 9,8% считают себя сословием защитников государства Российского, 6,3% определяют казаков как род войск на государственной службе [1, с. 12]. Несмотря на пропагандистскую кампанию в период проведения Всероссийской переписи населения 2010 г., лишь 8,4% опрошенных высказались за то, что казаки являются отдельным народом. Как видим, наблюдается тенденция к снижению числа людей, определяющих свою национальную идентичность как казак. При этом численность ВКО ВВД по состоянию на 2015 г. составляла 44 031 человек¹.

Формирование казачьей идентичности шло вместе с процессом выработки не столько диалекта, сколько отдельного казачьего языка (гутара, балачки). Ряд филологов, проводивших исследование казачьих диалектов, сформировали значимую лингвистическую базу — это работы В. И. Дегтярева [11], А. А. Диброва [6], В. Н. Ремчукова [19] и др. Однако в среде казачьих маргинальных объединений и особенно радикально настроенной казачьей молодежи имеет отображение в соответствующих пабликах в социальных сетях выработка принципиально нового языка казаков, за основу которого берутся диалектизмы, слова украинского языка, современные лингвистические разработки: «Стях мой синя жолта алай над маей радемаю станицай будя свещна вица», «Табейнай Присуд — табейная адаты», «Казак у куреню для наглядю». В сельском хозяйстве применяются: «катух» — петух, «казарка» — гуска, «курщенак» — цыпленок, «кутень» — пес, «бугай» — бык и т. д.

Подобные казачьему этносепаратизму процессы имеют место и в других регионах Российской Федерации: поморы (северороссы) на территории Архангельской области, интерес к развитию которых имеют норвежские и финские НКО; ингерманландский проект в Ленинградской области, имеющий поддержку стран Балтии и Финляндии; сибиряки, также формирующие свой язык и получающие поддержку от США и Японии, и многие другие.

Киев — мать городов нерусских? На наш взгляд, центром формирования восточнославянских альтернативных идентичностей на протяжении длительного периода

¹ По данным отчетов войскового казачьего общества «Всевеликое войско Донское» в Федеральное агентство по делам национальностей.

выступает Киев. Именно Украина, обладающая широкой мозаикой регионов, сформированная из разных цивилизационных, конфессиональных, лингвистических регионов, проходя период формирования единой нации, оказалась источником этносепаратистских тенденций самого различного толка. В выведенном Л. Д. Кучмой понятии «Украина не Россия» содержится суть строительства украинской нации как отвергающей «Русский мир», единство восточнославянских народов.

Именно против такого тезиса боролся гетман Украинского государства периода Гражданской войны П. П. Скоропадский, отмечая угрозу влияния галичанской культуры и доминирования ее в украинском обществе: «Узкое украинство исключительно продукт, привезенный нам из Галиции, культуру которой полностью пересаживать нам нет ни единого смысла: никаких предпосылок к успеху нет и просто преступление, поскольку там, собственно, и культуры нет. Ведь галичане живут обедками от немецкого и польского стола. Уже один язык их выразительно это отображает, где на пять слов четыре польского и немецкого происхождения...» [33, с. 59].

Однако в современных политических реалиях вместе с тенденцией навязывания западноукраинской культуры всему народу Украины происходит процесс отмежевания, обособления этносоциальных групп, конструирования новых этнических идентичностей. «Русская весна», ставшая ответом на «Евромайдан» и государственный переворот 2013–2014 гг., выступила катализатором народного протеста русского населения Украины, не желающего видеть у власти националистические организации.

Объединяя территории, ранее подконтрольные Османской империи и Крымскому ханству, Новороссия включала земли Запорожской Сечи, Новую Сербию, основанную венграми и сербами-переселенцами, включала поселения болгар, гагаузов, греков, евреев, малороссов, молдаван, немцев, великороссов и др. На наш взгляд, достаточно интересна и значима роль в развитии Новороссийского края подданных Британской империи: британский промышленник валлийского происхождения Джон Джеймс Юз основал г. Донецк (Юзовка); шотландец с французскими корнями Карл Карлович Гаскойн — г. Луганск; революционер, ставший британским гражданином, проживая в Австралии, Артем (Ф. А. Сергеев) возглавил Донецко-Криворожскую республику; и др.

Объявление независимости Донецкой и Луганской народных республик, заявления о создании Новороссии способствовали новой этнической самоидентификации для жителей Донбасса: новороссы, донбассовцы, а также этнизации региональной идентичности дончан и луганчан. Происходит переход от региональной к этнической самоидентичности, понимание своей самобытности и хотя и наличия единства с «Русским миром», но некоторой непохожести, разделенности с ним. Формирование на территории региона в 2014 г. казачьего самоуправления, объявление атаманом Казачьей национальной гвардии Н. И. Козицыным о создании Казачьей республики вошли в число элементов нового конструкта, подкрепленного длительной историей развития, отдельной от украинского этноса.

Ранее «казачья карта» неоднократно разыгрывалась самим Киевом. Позиционирование Украины в качестве «козацкой державы», что подкреплено словами гимна «Душу й тіло ми положим за нашу свободу, І покажем, що ми, браття, козацького роду», способствовало формированию ее имиджа центра притяжения и интеграции казачества. Ряд украинских НПО вели работу на территории Краснодарского края (Украина-Кубань), проводилась активная поддержка украинских национально-культурных автономий, украинские политики неоднократно предъявляют свои территориальные претензии на приграничные казачьи регионы Российской Федерации [3, с. 18]. Украина после «Евромайдана» выступила местом для так называемой «политической эмигра-

ции» ряда казачьих активистов, недовольных действующей политикой официальной Москвы.

На основании изложенного переходим к выводам.

Во-первых, процесс формирования новых славянских этнических идентичностей носит сложный характер, подкрепленный особенностями исторического процесса, административно-территориального развития, лингвистическими особенностями, культурным и конфессиональным влиянием.

Во-вторых, внешние акторы используют славянский вопрос для разрешения поставленных геополитических целей, стремясь изменить этнополитическую ситуацию в регионе, развивая маргинальные и экстремистские организации, поддерживая радикальных лидеров.

В-третьих, «Русский мир», как и российская нация, проходят сложный процесс укрепления своих позиций, определения целей и идеалов. В данном случае этнический сепаратизм несет в себе важнейшую угрозу безопасности и государственной целостности Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Барков Ф. А., Водолацкий В. П., Садко Д. О. и др. Казачество как этносоциальный феномен современной России (по результатам социологического исследования казачества Дона). Ростов-н/Д.: Антей, 2011. 168 с.
- 2 Бредихин А. В. Казачий сепаратизм на Юге России // Альманах Казачество. 2016. № 14. С. 36–46.
- 3 Бредихин А. В. О территориальных претензиях в российско-украинском приграничье // Альманах Казачество. 2016. № 16. С. 17–32.
- 4 Быкадоров И. Ф. История казачества. Париж, 1930. Т. 1. 673 с.
- 5 Васеха М. В. Кто такой «сибиряк»: что такое сибирская идентичность // Вестник российской нации. 2014. Т. 6, № 6. С. 316–327.
- 6 Валюсинская З., Выгонная М., Дибров А и др. Словарь русских донских говоров: в 3 т. Ростов-н/Д.: Изд-во РГУ, 1976. Т. 1: А-З (закласть). 171 с. + Т. 2: З (закле- кать) — П (перветка). 223 с. + Т. 3: П (первитка) — Я. 207 с.
- 7 Всероссийская перепись населения 2002 г. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17> (дата обращения: 10.11.2017).
- 8 Всероссийская перепись населения 2010 г. URL: [http://www.gks.ru/free_doc/new_ site/perepis2010/стос/perepis_itogi1612.htm](http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/стос/perepis_itogi1612.htm) (дата обращения: 02.10.2017).
- 9 Гордеев А. А. История казачества. М.: Вече, 2006. 640 с.
- 10 Гумилев Л. Н. От Руси к России. М.: Айрис-пресс, 2003. 318 с.
- 11 Дегтярев В. И., Кудряшова Р. И., Проценко Б. Н. и др. Большой толковый сло- варь донского казачества. М.: Русские словари; Астрель, АСТ; 2003. 608 с.
- 12 Матишов Г. Г. Донские казаки: от опоры самодержавия до жертв большевизма (XVIII–XX вв.). Заметки на полях истории / отв. ред. А. В. Венков. Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. 273 с.
- 13 Миронов Г. Ю. Исторический аспект проблемы идентификации русинского эт- нокультурного сообщества: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ростов-н/Д., 2013. 207 с.
- 14 Михайлов А. Михаил Григорьевич Черняев. Биографический очерк. С прило- жением выражений общественного к нему сочувствия // Восточная литература.

- URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/1860-1880/Cernjaev/text.htm> (дата обращения: 20.10.2017).
- 15 Назарбаев Н. А. Евразийский Союз: от идеи к истории будущего // Известия. URL: <https://iz.ru/news/504908> (дата обращения: 16.11.2017).
- 16 Неменский О. Б. Восточнославянский этнический сепаратизм: русины и казаки // Актуальные проблемы Европы. 2009. № 3. С. 149–174.
- 17 Пивовар Е. И. Русский язык и русский мир как факторы социокультурного диалога на постсоветском пространстве // Диалог культур и партнерство цивилизаций: становление глобальной культуры: X Лихачевские международные чтения, 13–14 мая 2010 г. СПб.: СПбГУП, 2010. С. 167–170.
- 18 Попов А. Г. История о Донском войске. Харьков: Университетская тип., 1814. 195 с.
- 19 Ремчуков В. Н. Толковый казачий словарь. Волгоград: Станица-2, 2007. 192 с.
- 20 Савельев Е. П. Древняя история казачества. М.: Вече, 2012. 448 с.
- 21 Савицкий П. Н. В борьбе за евразийство. Париж: Изд-е евразийцев, 1931. 55 с.
- 22 Семушин Д. Л. Поморье и поморы: структура одного исторического мифа // Арктика и север. 2012. № 7. С. 45–57.
- 23 Скорик А. П. Кампания «За советское казачество» на Юге России: ретроспективный анализ экспектаций // Былые годы. Российский исторический журнал. 2012. № 1 (23). С. 5–10.
- 24 Скорик А. П., Озеров А. А. Этносоциальный адрес донцов: научно-полемический дискурс. Ростов н/Д.: СКНЦ ВШ, 2005. 232 с.
- 25 Суляк С. Г. Талергоф и Терезин: забытый геноцид // Русин. 2008. № 3–4. С. 69–75.
- 26 Тишков В. А. И русский, и российский // Вестник российской нации. 2009. Т. 4, № 2. С. 85–97.
- 27 Трубецкой Н. С. Об истинном и ложном национализме // Исход к Востоку. София, 1921. С. 71–85.
- 28 Трут В. П. Истребить поголовно. Как организовать расказачивание // Родина. 2004. № 5. С. 95–97.
- 29 Шабает Ю. П., Садохин А. П. Новые этнополитические конструкторы в региональной практике современной России // Вестник Московского университета. Серия 19: лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. № 4. С. 62–70.
- 30 Клімчук Ф. Д. Феномен Палесся // Загароддзе-1. Матэрыялы Міждысцыплінарнага навуковага семінара па пытаннях даследавання Палесся (Мінск, 19 верасня 1997 г.): сб. / пад агул. рэд. Ф. Д. Клімчука. Мінск: БелППК, 1999. С. 5–9.
- 31 Магочій П.-Р. Народ нивыдкы: Ілюстрована історія карпаторусинов / потовмачив по русинськы В. Падыак; сюжетні комент. ид іл. В. Падыака. Ужгород: Выд-во В. Падыака, 2007. 120 с.
- 32 Population by ethnicity by 1921–2011 censuses // Český statistický úřad. URL: <https://www.czso.cz/documents/10180/20548153/130055140116.pdf/12b2d09a-5297-4053-b9fd-7839dbab43f2?version=1.0> (дата обращения: 10.11.2017).
- 33 Скоропадський П. Спогади. Кінець 1917 — грудень 1918. Київ; Філадельфія, 1995. 493 с.

© 2018. Anton V. Bredikhin
Moscow, Russia

ALTERNATIVE SLAVIC IDENTITIES

Acknowledgements: The paper is prepared in FSBSI Security problems studies center of RAS with financial support of the Russian scientific fund (project №17-68-00001 "The impact of institutional instability in adjacent states on activities of extremist organizations of Russia`s South")

Abstract: The development of modern ethnic institutions in the countries that belonged to the socialist block till 1991 shows that the process of small nations` formation is still currently under way. With its history, culture, language (dialect), religion, ethnic groups, having the opportunity to develop, seek to forge a separate identity and to claim the possibility of creating autonomy or an independent state. Similar trends affect such large, state-forming peoples as Russians, Bulgarians, Poles, Serbs, Ukrainians, Czechs in the first place. At the same time ethnoseparatist tendencies of ethnic groups are largely due to the influence of external actors. The study explores historical background of the new Slavic identities` development, identifying contemporary factors and detecting challenging issues.

Keywords: Eurasianism, identity, Cossacks, Moravia, Polishchuk, Russian nation, Rusyns, Russian world, the Slavs, the Ukrainians.

Information about the author: Anton V. Bredikhin — PhD in History, Advisor to Director, Center for Security Studies of the Russian Academy of Sciences, Garibaldi Str., 216, 117335 Moscow, Russia. E-mail: bredikhin90@yandex.ru

Received: November 20, 2017

Date of publication: June 15, 2018

For citation: Bredikhin A. V. Alternative Slavic identities. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2018, vol. 48, pp. 8–18. (In Russian)

REFERENCES

- 1 Barkov F. A., Vodolatskii V. P., Sadko D. O. i dr. *Kazachestvo kak etnosotsial'nyi fenomen sovremennoi Rossii (po rezul'tatam sotsiologicheskogo issledovaniia kazachestva Dona)* [The Cossacks as ethnic and social phenomenon of modern Russia (based on results of sociological research on the Cossacks of the Don)]. Rostov-na-Donu, Antei Publ., 2011. 168 p. (In Russian)
- 2 Bredikhin A. V. Kazachii separatizm na Iuge Rossii [Cossack separatism in the South of Russia]. *Al'manakh Kazachestvo*, 2016, no 14, pp. 36–46. (In Russian)
- 3 Bredikhin A. V. O territorial'nykh pretenziiakh v rossiïsko-ukrainskom prigranich'e [On territorial claims in the Russian-Ukrainian borderland]. *Al'manakh Kazachestvo*, 2016, no 16, pp. 17–32. (In Russian)
- 4 Bykadorov I. F. *Istoriia kazachestva* [History of the Cossacks]. Parizh, 1930. Vol. 1. 673 p. (In Russian)
- 5 Vasekha M. V. Kto takoi "sibiriak": chto takoe sibirskaiia identichnost' [Who is Sibiryak: what is Siberian identity]. *Vestnik rossiïskoi natsii*, 2014, vol. 6, no 6, pp. 316–327. (In Russian)

- 6 Valiusinskaia Z., Vygonnaia M., Dibrov A. i dr. *Slovar' russkikh donskikh govorov: v 3 t.* [Dictionary of Russian Don dialects: in 3 vols.]. Rostov-na-Donu, Izdatel'stvo RGU, Publ., 1976. Vol. 1: A-Z (zaklast'). 171 p. + Vol. 2: Z (zaklekat') — P (pervetka). 223 p. + Vol. 3: P (pervitka) — Ia. 207 p. (In Russian)
- 7 *Vserossiiskaia perepis' naseleniia 2002 goda* [All-Russian population census of 2002]. Available at: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17> (accessed 10 November 2017). (In Russian)
- 8 *Vserossiiskaia perepis' naseleniia 2010 goda* [All-Russian population census of 2010]. Available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (accessed 02 October 2017). (In Russian)
- 9 Gordeev A. A. *Istoriia kazachestva* [History of the Cossacks]. Moscow, Veche Publ., 2006. 640 p. (In Russian)
- 10 Gumilev L. N. *Ot Rusi k Rossii* [From Rus' to Russia]. Moscow, Airis-press Publ., 2003. 318 p. (In Russian)
- 11 Degtiarev V. I., Kudriashova R. I., Protsenko B. N. i dr. *Bol'shoi tolkovyi slovar' donskogo kazachestva* [Big explanatory dictionary of the Don Cossacks]. Moscow, Russkie slovari; Astrel', AST Publ., 2003. 608 p. (In Russian)
- 12 Matishov G. G. *Donskie kazaki: ot opory samoderzhaviia do zhertv bol'shevizma (XVIII–XX vv.). Zametki na poliakh istorii* [Don Cossacks: from the pillar of the autocracy to the victims of Bolshevism (XVIII–XX centuries). Notes in the margin of history], ex. ed. by A. V. Venkov. Rostov-na-Donu, Izdatel'stvo IuNTs RAN Publ., 2013. 273 p. (In Russian)
- 13 Mironov G. Iu. *Istoricheskii aspekt problemy identifikatsii rusinskogo etnokul'turnogo soobshchestva* [Historical aspect of the issue of identifying the Ruthenian ethno-cultural community]. Abstract of dissertation candidate of History. Rostov-na-Donu, 2013. 207 p. (In Russian)
- 14 Mikhailov A. Mikhail Grigor'evich Cherniaev. Biograficheskii ocherk. S prilozheniem vyrazhenii obshchestvennogo k nemu sochuvstviia [Mikhail Grigorievich Chernyayev. Biographical sketch. With attachment of expressions of public sympathy]. *Vostochnaia literature* [Oriental literature]. Available at: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/1860-1880/Cernjaev/text.htm> (accessed 20 October 2017). (In Russian)
- 15 Nazarbaev N. A. *Evraziiskii Soiuz: ot idei k istorii budushchego* [Eurasian Union: from idea to future's history]. *Izvestiia*. Available at: <https://iz.ru/news/504908> (accessed 16 November 2017). (In Russian)
- 16 Nemenskii O. B. *Vostochnoslavianskii etnicheskii separatizm: rusiny i kazaki* [East Slavic ethnic separatism: the Ruthenians and Cossacks]. *Aktual'nye problemy Evropy*, 2009, no 3, pp. 149–174. (In Russian)
- 17 Pivovar E. I. *Russkii iazyk i russkii mir kak faktory sotsiokul'turnogo dialoga na postsovet'skom prostranstve* [Russian language and Russian world as factors of socio-cultural dialogue in the post-Soviet space]. *Dialog kul'tur i partnerstvo tsivilizatsii: stanovlenie global'noi kul'tury: X Likhachevskie mezhdunarodnye chteniia, 13–14 maia 2010 g.* [Dialogue of cultures and partnership of civilizations: emergence of the global culture: X Likhachev international readings, 13–14 may 2010]. St. Peterburg, SPbGUP Publ., 2010, pp. 167–170. (In Russian)
- 18 Popov A. G. *Istoriia o Donskom voiske* [History of the Don army]. Khar'kov, Universitetskaia tipografiia Publ., 1814. 195 p. (In Russian)

- 19 Remchukov V. N. *Tolkovyi kazachii slovar'* [Explanatory Cossack dictionary]. Volgograd, Stanitsa-2 Publ., 2007. 192 p. (In Russian)
- 20 Savel'ev E. P. *Drevniaia istoriia kazachestva* [Ancient history of the Cossacks]. Moscow, Veche Publ., 2012. 448 p. (In Russian)
- 21 Savitskii P. N. *V bor'be za evraziistvo* [In the struggle for Eurasia]. Parizh, Izdanie evraziitsev Publ., 1931. 55 p. (In Russian)
- 22 Semushin D. L. Pomor'e i pomory: struktura odnogo istoricheskogo mifa. [Pomorje and Pomors: the structure of one historical myth]. *Arktika i sever*, 2012, no 7, pp. 45–57. (In Russian)
- 23 Skorik A. P. Kampaniia “Za sovetskoe kazachestvo” na Iuge Rossii: retrospektivnyi analiz ekspektatsii [Campaign “For the Soviet Cossacks” in the South of Russia: retrospective analysis of expectations]. *Bylye gody. Rossiiskii istoricheskii zhurnal*, 2012, no 1 (23), pp. 5–10. (In Russian)
- 24 Skorik A. P., Ozerov A. A. *Etnosotsial'nyi adres dontsov: nauchno-polemicheskii diskurs* [Ethnosocial address of Don Cossacks: scientific and polemical discourse]. Rostov-na-Donu, SKNTs VSh Publ., 2005. (In Russian)
- 25 Suliak S. G. Talergof i Terezin: zabytyi genotsid [Talerhof and Terezin: forgotten genocide]. *Rusin*, 2008, no 3–4, pp. 69–75. (In Russian)
- 26 Tishkov V. A. I russkii, i rossiiskii [Both Russian, and Russia-based]. *Vestnik rossiiskoi natsii*, 2009, vol. 4, no 2, pp. 85–97. (In Russian)
- 27 Trubetskoi N. S. Ob istinnom i lozhnom natsionalizme [On true and false nationalism]. *Iskhod k Vostoku* [Exodus to the East]. Sofiia, 1921, pp. 71–85. (In Russian)
- 28 Trut V. P. Istrebit' pogolovno. Kak organizovat' raskazachivanie [Kill them all. How to organize the decossackization]. *Rodina*, 2004, no 5, pp. 95–97. (In Russian)
- 29 Shabaev Iu. P., Sadokhin A. P. Novye etnopoliticheskie konstrukty v regional'noi praktike sovremennoi Rossii [New ethno-political constructs in the regional practice of modern Russia]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriia 19: lingvistika i mezkul'turnaia kommunikatsiia* [Series 19: linguistics and intercultural communication], 2012, no 4, pp. 62–70. (In Russian)
- 30 Klimchuk F. D. Fenomen Palessia [The Phenomenon of Polesse]. *Zagaroddze-1. Materyialy Mizhdystsyplinarnaia navukovaga seminar na pytaniakh dasledavannia Palessia (Minsk, 19 verasnia 1997 g.): sbornik* [Sagaradze-1. Materials of Interdisciplinary research seminar on study of Polesse (Minsk, 19 September, 1997): Collection], gen. ed. by F. D. Klimchuka. Minsk, BellPK Publ., 1999, pp. 5–9. (In Belarussian)
- 31 Magochii P.-R. *Narod nivydky: Iliustrovana istoriia karpatorusinov* [The people of nowhere: Illustrated history of Carpatho-Rusyns], tr. From Russian by V. Padiak; comment. by V. Padiaka. Uzhgorod, Vyd-vo V. Padiaka Publ., 2007. 120 p. (In Ruthenian)
- 32 Population by ethnicity by 1921–2011 censuses. *Český statistický úřad* [Czech statistical office]. Available at: <https://www.czso.cz/documents/10180/20548153/130055140116.pdf/12b2d09a-5297-4053-b9fd-7839dbab43f2?version=1.0> (accessed 10 November 2017). (In Czech)
- 33 Skoropads'kii P. *Spogadi. Kinets' 1917 — grudan' 1918* [Memories. The end of 1917 – December 1918]. Kiiv, Filadel'fiia, 1995. 493 p. (In Ukrainian)